

от 30 МАЯ 37

П. Г. АНТОКОЛЬСКИЙ

РЕЖИССЕР ТЕАТРА имени ВАХТАНГОВА

Евг. ВАХТАНГОВ

(К 15-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ)

Смуглый человек смеялся, воодушевленно жестикулировал и без конца курил. Был начисто, до синевы выбрит. Как бы ни повертывался—в профиль ли, лицом ли к нам, что он делал,—говорил ли отчетливым голосом, слегка в нос, слушал ли реплики других, или просто, энергично затянувшись дымом, пускал его потом вверх, откинув голову назад,—все это выходило образцово, являлось наглядной демонстрацией того, как должен себя вести мужественный и веселый человек. Глядя на него, все заражались бодростью, желанием не спать до утра,—как будто они чувствовали, что встреча с этим человеком чревата огромными последствиями для их юности. И они не ошибались.

Он говорил о театре. Речь была непоследовательна. Ее начало предполагало где-то в прошлых разгах и выходило так, что он подносил слушателям образцы не своей личной мудрости и опыта, а комплекты и пачки каких-то цеховых преданий, равные по смыслу мемуарам Гаррика или Дебюрто, если бы эти мемуары были написаны. За иной из фраз угадывался XVIII век, за другой—«возрождение». Но ни культура, ни цитаты создавали такую видимость. Наоборот, все было легко, скромно, обыденно и в величайшей степени проведено через себя. Прощаясь, он, как араб, сложил руки на груди и низко всем поклонился.

Таким я увидел Вахтангова в первый раз. Нотом узнал его ближе и лучше. Разные были встречи, разным бывал Вахтангов. Я видел его вялым брюзгой, не верящим в себя, видел еще в большем ударе, когда внезапным брызгом веселого намека он проламывал глухоту любого непонимания и, собрав в кулак разваливающуюся репетицию, сразу подвигал чуть ли не наполовину дело постановки. Но его непринужденная, без всякой заглавной буквы, без тени напыщенности театральность—вот, кажется, главное, что делало Вахтангова—Вахтанговым.

Он любил играть, любил матернал игры. Его фантазия всегда была готова работать в этом одном направлении. Он ее тренировал так же, как ак-

робат, мускулы, чтобы отгибать пальцы.

Режиссер? Многообещающее слово. Широкое определение. Мы знаем, как много у него оценок и смыслов. Я хочу рассказать про один дар Вахтангова, про его умение **показать**. Он умел заразить собою, через себя, образом роли.

Когда заткнув салфетку за воротник военного френча, выпятив несуществующий живот и оттопырив нижнюю губу, он выходил из-за боковой кулисы, с тупым хитрым недоброжелательством глядя на Завадского—«Антония», и потом произносил коротко, почти нечленораздельно «ну, что вам угодно», то в этой фигуре была вся скопидомная французская провинция, все тщеславие и вся заштанная узость кругозора мелкого буржуа, теряющего наследство, почву под ногами, доверие к реальности. В этой фигуре был весь спектакль «Чудо святого Антония».

Из той же боковой кулисы он выплывал, оправляя на френче воображаемые рюши и бантики, выплывал с томным полувздохом, вытягивая вперед руки и губы для приветствия, и в этом смешном, страшно смешном гротесковом облике угадывалась «приятная во всех отношениях» гоголевская стерва из «Мертвых душ». Этот томный полувздох был камертоном для звучания всего гоголевского отрывка.

Однажды он показывал роль слуги в каком-то водевиле. Волевишь был из рук вои плохой, роль слуги была ниже всякой критики, ее просто не существовало. Все дело было в том, что слугу заставляют то открыть, то закрыть окно. Что же сделал Вахтангов? Когда он вышел на сцену, сразу стало ясно, что это расторопный, ловкий молодой человек,—мастер на все руки, что он рано сегодня встал, напевая сквозь зубы и заранее улыбаясь всему, что пошлет ему судьба, что кресла в комнате, табуретка, стол, рама окна, ползая щетка и тряпка слушают его, как фокусника, когда он бросается исполнять приказания барина, и, вскакивая на подоконник, делает незаметный пируэт ногой, чтобы сохранить равновесие.

Вид его как-будто бы говорил: «мне наплевать на лишнюю работу, но и ты, сукин сын, не засиживайся» Так в этом показе маленькой плоской роли были сыграны все ампулы, все Скапены из «Фигаро» европейского театра.

Жизнь Вахтангова была трудным, неустанным напряжением. Но самое существенное то, что ему был легок этот труд. Без него, без ночных репетиций, без непомерно разросшейся массы учеников, без параллельно заложенных двух-трех работ, без еще большего количества планов на будущее нельзя себе представить Вахтангова. Это была его естественная сфера, его кислород.

О значении Вахтангова в истории советского театра сказано очень много. В день 15-летия со дня его смерти хочется подчеркнуть, что его дело—дело человека, который, не покладая рук, строил задуманный им светлый дом и, несмотря на безжалостную смерть, успел выстроить. Это дело и по сей день живет во всей советской культуре и мы, также не покладая рук, до последнего нашего часа будем продолжателями и учениками Вахтангова.